
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА: ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ

Вебер А. Б.*

Социальный прогресс – это цель, к которой надо стремиться, но к которой разные страны продвигаются различными темпами и с разными результатами. Как оценить уровень социального прогресса, как его измерить? Традиционный показатель ВВП на душу населения не может служить адекватной мерой благосостояния общества. Попытки найти такую меру предпринимались неоднократно, но предложенные методы и модели не вполне удовлетворяют требованиям полноты. «Индекс социального прогресса 2015» представляет собой новый шаг в этом направлении, впервые предлагая метод оценки социального прогресса как такового, независимо от экономического фактора. Это позволяет исследователям глубже проанализировать взаимосвязь экономического развития и социального прогресса, лучше понять как объективные, так и субъективные причины разительных несоответствий в использовании разными странами их экономических возможностей для социального развития, а политикам, бизнесу, лидерам гражданского общества – применить этот аналитический инструмент для того, чтобы более рационально и четко идентифицировать приоритеты и главные ориентиры действий для достижения целей социального прогресса и устойчивого развития.

Ключевые слова: *социальный прогресс, экономический прогресс, человеческий и природный капитал, устойчивое развитие, стратегия развития.*

Social progress is the objective which different countries achieve in various ways and with different speed and results. How to assess the level of social progress and how can it be measured? The traditional GDP per capita indicator can hardly serve an adequate measure of society's well-being. The attempts to find such a measure have been taken repeatedly, but the proposed methods and models do not completely satisfy the requirements of completeness. "Social Progress Index 2015" seems to be a new step in this direction since for the first time it offers a method of evaluation of social progress as such, separately from economic factors. It allows the researchers to better analyze the relationship between economic development and social progress, to understand both objective and subjective factors of the striking disparity between different countries in their usage of economic opportunities for social development, and provides the policy makers, business leaders, and civil society activists with an analytical tool which helps to more rationally and clearly identify the priorities and the main landmarks for the actions to achieve the objectives of social progress and sustainable development.

Keywords: *social progress, economic progress, human and natural capital, sustainable development, development strategy.*

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., г. н. с. Института социологии РАН. E-mail: mailbox@polis.ma.ru.

Социальный прогресс – понятие исторически обусловленное, сложное и неоднозначное. Не всякий прогресс ведет к улучшению качества жизни. Новое не всегда лучше старого. Модернизация по-разному воспринимается в разных культурных средах. Современная действительность наряду со многими бесспорными достижениями цивилизации в различных областях являет разительные примеры архаизации, регресса, сползания к одичанию и варварству.

Однако при всех оговорках значимость социального прогресса невозможно отрицать. *Цели* социального прогресса – такие как права и свободы человека, право на развитие, на безопасность, на достойные условия жизни, на труд, на социальное обеспечение, на доступ к медицинским услугам, на образование, на дружественную человеку природную среду – получили международное признание. Универсальная значимость этих целей нашла подтверждение в Уставе Организации Объединенных Наций, во Всеобщей декларации прав человека (1948), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), в других международных договорах и соглашениях, подписанных и ратифицированных большинством государств мира.

Существует и понимание того, что социальный прогресс – это *задача*, к выполнению которой надо стремиться, но к которой разные страны продвигаются разными темпами и с различными результатами. Возможности государств в этом отношении неодинаковы и во многом зависят от природных, социальных, экономических и культурных условий, от положения в системе международных отношений. Поэтому одни страны смогли продвинуться больше, другие – меньше, а иные топчутся на месте или вовсе деградируют, погрязая в разорительных межэтнических, конфессиональных и территориальных конфликтах и войнах.

Но как оценить состояние общества с точки зрения социального прогресса, как его измерить? В начале 30-х гг. прошлого века, когда в разгар мирового экономического кризиса возникла острая потребность в мониторинге состояния экономики, американский экономист русского происхождения Саймон Кузнец (Simon Kuznets) предложил использовать для этого разработанный им показатель валового внутреннего продукта (ВВП). Этот показатель получил признание и с тех пор используется как инструмент национальных счетов во всем мире. В расчете на душу населения его стали со временем рассматривать как индикатор человеческого благополучия, хотя сам С. Кузнец предупреждал: ВВП измеряет только экономическую активность, а не благополучие.

Действительно, ВВП как сумма произведенных товаров и услуг – это и источник, из которого покрываются затраты, обусловленные последствиями производственных и иных аварий, природных катаклизмов, борьбой с преступностью, терроризмом, другими социальными патологиями (наркомания, алкоголизм), а также, не в последнюю очередь, военные расходы и потери вследствие гражданских и международных конфликтов. С другой стороны, статистика ВВП обычно не учитывает побочные издержки экономического роста, не отражает всех аспектов социального развития и ничего не говорит о состоянии ресурсной базы производства и потребления в долгосрочной перспективе. Поэтому даже проект так называемого «зеленого ВВП», рассчитываемого с учетом экономической деятельности по улучшению экологической ситуации, не может удовлетворить требованиям объективной оценки человеческого благополучия.

* * *

В связи с вышесказанным понятно стремление исследователей выйти за пределы показателя ВВП и попытаться измерить социальный прогресс как таковой. Одна из первых таких попыток была предпринята еще в 70-е гг. прошлого века Ричардом Эстесом, крупным американским специалистом в области социальной истории [Estes 1984; 1988]. Разработанный под его руководством Индекс социального прогресса (ИСП) включал помимо данных об уровне экономического развития еще несколько показателей (образование, здравоохранение, демография, политическая стабильность и пр.).

* * *

Появление в конце 1980-х гг. концепции *устойчивого развития* послужило новым импульсом для разработки индикаторов состояния общества на основе критериев, выходящих за рамки традиционного показателя душевого ВВП. Помимо упомянутого выше Индекса социального развития можно назвать также Индекс физического качества жизни (Physical Quality Life Index), Индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare), качественные индексы прогресса (Quality Indexes of Progress), Индикатор общего прогресса (General Progress Indicator) и др. Комиссия ООН по устойчивому развитию в свое время (1994) разработала набор индикаторов, включавший 130 позиций.

Наибольшее признание получил Индекс человеческого развития (Human Development Index), предложенный экспертами Программы развития ООН (ПРООН). Более простой и практичный, чем другие, он включил помимо показателя ВВП на душу населения (ВВП/д. н.) два «неэкономических» параметра – ожидаемую продолжительность жизни (состояние здоровья, здравоохранения) и уровень образования (грамотность взрослого населения, охват обучением разных уровней). С начала 1990-х гг. под эгидой ПРООН стали публиковаться ежегодные доклады о развитии человека, содержащие сравнительные данные об Индексе человеческого развития (ИЧР) по большинству стран мира и другую значимую для его оценки статистику. Фактически речь также шла о расширенном способе измерения социального прогресса.

Сопоставление стран по ИЧР наглядно показывает масштабы расслоения мирового населения в этом отношении, динамику показателей человеческого развития, позволяет оценить влияющие на него факторы. В рамках этого проекта впоследствии были разработаны также два индекса нищеты населения – для развивающихся стран (ИНН-1) и для развитых стран (ИНН-2), Индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), Показатель развития возможностей женщин (ПРВЖ). Важным информативным результатом стала фиксация расхождений между рейтингами стран по ИЧР и по душевому ВВП. Достаточно определенно выявилось «отсутствие существенной корреляции между экономическим ростом и улучшениями в области здравоохранения и образования» [Доклад... 2010: 4]. Однако включение в расчет ИЧР показателя ВВП ввиду отмеченной выше его специфики не позволяет в полной мере оценить степень этого расхождения. Другой недостаток ИЧР – отсутствие среди его компонентов экологической составляющей.

* * *

В последние годы проблематика устойчивого развития, отодвинутая на какое-то время в сторону неолиберальной доктриной свободного рынка, вновь выдвигается

нулась на передний план в повестке дня мировой политики. В 2012 г. Конференция ООН по устойчивому развитию («Рио+20») инициировала разработку целей устойчивого развития на период после 2015 г., призвав к «трансформационному сдвигу» в этом направлении. 25 сентября 2015 г. Саммит ООН по устойчивому развитию при участии глав государств, правительств и других представителей 193 стран единогласно одобрил эти цели как новую глобальную повестку дня мирового развития на ближайшие 15 лет. Речь идет о целях с конкретными и проверяемыми количественными и временными параметрами, которые должны быть достигнуты к 2030 г.

Перевод идеи устойчивого развития в практическую плоскость актуализировал проблему *измерения* результатов деятельности в этом направлении, продвижения по данному пути отдельных стран и мирового сообщества в целом. Необходимость расширенной оценки человеческого прогресса в дополнение к показателю ВВП получила признание и на Конференции «Рио+20». Какими ресурсами располагают отдельные нации и все человечество для решения задач социального прогресса и перехода к устойчивому развитию? Что происходит с ресурсами в условиях продолжающегося роста населения, производства, потребления и сопутствующих этому побочных издержек разного рода? Показатели ВВП и ИЧР не дают ответа на этот вопрос.

Неудовлетворенность традиционной системой национальных счетов привела к появлению расширенной концепции совокупного богатства (*inclusive wealth*), к попыткам дать его возможно более полную *количественную* оценку. Так появились, по аналогии с физическим капиталом, понятия «человеческого капитала» (здоровье людей, уровень образования) и «природного капитала»¹. Доступные для производственного использования природные ресурсы – одно из главных условий человеческого благополучия. Без оценки наличного фонда природных активов, их состояния, изменения во времени вследствие постоянного расширения масштабов хозяйственной деятельности трудно конкретно определить условия и перспективы социального прогресса человечества.

Первые попытки оценить совокупное богатство наций, заключенное в упомянутых трех категориях ресурсов, рассматриваемых как социальная ценность, были предприняты экспертами Всемирного банка еще в 90-е гг. прошлого века. Главное богатство наций – и это показали расчеты – человеческий капитал. Была предпринята также в грубом приближении оценка природной ресурсной базы в большой группе стран. Эти первые расчеты дали некоторое представление о мировом национальном богатстве и его составе, но они были весьма несовершенны.

Конференции «Рио+20» был представлен новый экспертный доклад с оценкой совокупного национального богатства наций вообще и природного капитала в особенности [Inclusive... 2012]². На основе единой методики был построен Индекс совокупного богатства (ИСБ) для 20 крупнейших стран, где сосредоточено большинство населения мира. Расчеты показали, что за период 1990–2008 гг. из-

¹ Понятие «капитал» следует в данном случае понимать как метафору, как обозначение определенной категории иных, чем физический капитал, ресурсов (в том числе нематериальных). То же самое относится к понятию «социальный капитал» (социальные связи, институты, доверие и пр.), трудности измерения которого в сопоставимых (денежных) единицах исследователям пока не удалось преодолеть. К тому же существуют серьезные разночтения в определении этого понятия.

² Доклад был подготовлен группой исследователей под эгидой специальной Международной программы Университета ООН (UN University International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change) и Программы развития ООН (UNEP).

меряемый природный капитал почти всех этих стран сократился, в том числе в расчете на душу населения (кроме Японии).

Спустя два года общественности был представлен расширенный вариант этого исследования [Inclusive... 2014], которым охвачены 140 стран. Согласно полученным данным, в период 1990–2010 гг. рост совокупного богатства имел место в 128 странах из 140, но в расчете на душу населения – лишь в 85 государствах (вследствие более быстрого роста населения), а с учетом некоторых факторов, снижающих эффективность использования ресурсов, только в 58. Главный вклад в рост совокупного богатства вносил человеческий капитал, тогда как природный капитал в большинстве стран (в 116 из 140) сократился, причем в целом примерно на 30 %.

Что особенно важно, сокращение природного капитала произошло на фоне общего роста ВВП (в 124 странах из 140) и ИЧР (в 135 странах). Если ВВП за два десятилетия вырос в рассматриваемых странах более чем на 50 %, то совокупное богатство – только на 6 % (1992–2010). Увеличение ВВП имело место и там, где ИСБ имел отрицательное значение. А это значит, что экономический рост и повышение уровня жизни происходили в большинстве государств за счет «проедания» природных ресурсов и, добавим, ухудшения состояния окружающей среды.

По мнению авторов исследования, человеческое благополучие можно считать устойчивым, если общая стоимость совокупных активов не уменьшается. Основания для отождествления устойчивого развития с ростом совокупного богатства представляются весьма шаткими. В основе этого мнения лежит допущение возможности ограниченного взаимозамещения (substitution) различных форм капитала, в частности возмещения природного капитала человеческим, но это весьма спорное утверждение [Вебер 2013]. Ни основные фонды, ни человеческий капитал не могут заменить природы как среды обитания человека. Никакой прирост человеческого или основного капитала не может возместить дефицита ресурсов пресной воды, загрязнения атмосферы, сведения лесов, уничтожения природных ландшафтов, сокращения биоразнообразия, изменения климата...

Основной вывод данного исследования категоричен: ориентация политики преимущественно на экономический рост несовместима с устойчивым развитием. Рост ВВП сам по себе не равнозначен большему благополучию, а устойчивое развитие – нечто большее, чем защита окружающей среды. Избыточное производство и потребление, обещая более высокий уровень жизненных благ в среднесрочном плане, могут обернуться бедствием в долгосрочном. Индекс совокупного богатства дает возможность иной оценки функционирования экономики, чем традиционные критерии. Он переключает внимание с текущих доходов на измерение наличных производственных фондов в широком их понимании – в противоположность показателю ВВП.

Благополучие людей все больше зависит от состояния окружающей среды и природной производственной базы. Поэтому правительствам, тем, кто принимает политические решения, рекомендуют основывать свою деятельность на сбалансированном подходе, учитывая все компоненты национального богатства и их взаимозависимость. Им советуют переходить от системы учета потока доходов (ВВП) к системе, предусматривающей оценку совокупного богатства как основу человеческого благополучия. Промышленно развитым странам, где достигнут самый высокий уровень человеческого капитала и где, следовательно, отдача от

дополнительных инвестиций в него уменьшается, надо увеличивать инвестиции, прежде всего в сохранение природных активов, в использование возобновляемых природных ресурсов, восполняя тем самым сокращение невозобновляемых. России же следует больше инвестировать в основные фонды, а также, конечно, в образование, науку, здравоохранение.

Как отмечается в данном исследовании, концепция совокупного богатства сфокусирована не на составляющих человеческого благополучия, а на том, что его обуславливает, детерминирует. Поэтому представляет особый интерес еще одно недавно опубликованное фундаментальное исследование, где проблема развития, при тех же исходных посылах, рассматривается с другой стороны, а именно – со стороны социального положения людей.

* * *

Речь идет о новом исследовании социального прогресса в мире, предпринятом аналитической группой международного исследовательского проекта “The Social Progress Imperative”. В рамках этого проекта разработан Индекс социального прогресса, первый вариант которого опубликован в 2014 г., а второй – в 2015 г. [Social... 2015]. Авторы поставили перед собой амбициозную задачу: создать, исходя из современных аналитических возможностей, такой инструмент измерения, который позволил бы дать целостное и адекватное представление о социальном прогрессе как в отдельных странах, так и в мире в целом, не искаженное какими-либо привходящими обстоятельствами.

Важно, что исходной посылкой доклада послужило понимание: модель развития, ориентированная на экономический рост, ущербна. Социальный прогресс значим сам по себе, его измерение содержит критический посыл, позволяя судить о том, как данная социально-экономическая система служит людям. Насколько экономическое развитие продвигает социальный прогресс – или не продвигает? Задуматься над этим заставляют и массовые протесты даже в относительно благополучных странах, и растущая в мире озабоченность поляризацией богатства и бедности, и дискуссии об экологических пределах роста.

Особенность данного исследования еще и в том, что здесь впервые предпринята попытка оценить социальное развитие *независимо* от показателей экономического прогресса. Такой подход дает возможность не только представить социальный прогресс в «чистом» виде (при всей условности этого приема), но и выявить соотношение параметров социального прогресса и ВВП/д. н., что позволяет глубже проанализировать взаимосвязь этих двух сторон развития общества, лучше понять роль социального прогресса как драйвера экономического роста, помочь определиться с выбором оптимальной стратегии развития.

Другая важная черта этого исследования – подробная детализация используемого в нем понятия «социальный прогресс», того набора взаимосвязанных факторов, которые его определяют. В качестве основных выделены три измерения: 1) базовые потребности человека; 2) основы благополучия (well-being); 3) возможности (opportunity), оцениваемые главным образом с точки зрения прав и свобод человека. Каждое включает несколько компонентов, которые, в свою очередь, представлены несколькими специфическими индикаторами – в общей сложности

их 54 (см. табл. 1)³. Набор индикаторов может в чем-то показаться спорным, но «вес» каждого в отдельности невелик (1/54), и на общий результат это не могло оказать существенного влияния.

Исследованием охвачены 133 страны (покрывающие 94 % мирового населения), по которым удалось получить достоверные показатели, включающие набор статистических данных (61 %), экспертные оценки (25 %) и результаты социологических опросов (12 %). Шкала значений определялась путем идентификации лучших и худших результатов по каждому индикатору для каждой страны за период с 2004 г., и в этих границах определялись сравнительные оценки по каждой позиции, сводимые затем в агрегированные показатели для каждого компонента и каждого основного измерения⁴.

Таблица 1

Индекс социального прогресса

Базовые потребности человека	Основы благополучия	Возможности
1	2	3
Питание и основные медицинские услуги Доля недоедающих Дефицит продовольствия Материнская смертность Мертворождения Детская смертность Смертность от инфекционных заболеваний	Доступ к основам знаний Грамотность взрослого населения Охват детей начальной школой Охват обучением в младших классах средней школы Охват обучением в старших классах Гендерное равенство в средних учебных заведениях	Права личности Политические права Свобода слова Свобода собраний и объединений Свобода передвижения Права частной собственности
Состояние воды и санитарии Доступ к водоснабжению Доступ к воде улучшенного качества в сельской местности Доступ к системам канализации	Доступ к информации и коммуникациям Наличие мобильных телефонов Пользователи Интернета Индекс свободы прессы	Личная свобода и выбор Свобода выбора образа жизни Свобода вероисповедания Свобода ранних браков Обеспеченность контрацептивами Уровень коррупции

³ В их число вошли как некоторые индикаторы, представленные в документе ООН «Цели тысячелетия в области развития» (2000–2015), так и индикаторы, предусматриваемые новой программой ООН «Цели устойчивого развития 2015–2030» [Social... 2015: 86, 87].

⁴ Предельные значения шкалы установлены от 0 до 100, где за 100 принята оценка, которую страна получила бы, если бы имела самый высокий балл по всем индикаторам, а 0 – самый низкий из возможных по всем показателям. Фактически лучшими или худшими являются те показатели, которые ближе к предельным. Тем самым появляется возможность оценить достижения отдельных стран по каждой позиции относительно реальных лучших или худших показателей.

Окончание табл. 1

1	2	3
Жилье Жилищные условия Доступность электроснабжения Качество электроснабжения Смертность вследствие загрязнения воздуха в помещениях	Здоровье и здоровый образ жизни (wellness) Ожидаемая продолжительность жизни Преждевременная смертность от неинфекционных болезней Доля людей с избыточным весом Смертность от загрязнения воздуха вне помещений Самоубийства	Терпимость и инклюзия Уважение к женщинам Терпимость к иммигрантам Терпимость к гомосексуалистам Дискриминация и насилие в отношении меньшинств Религиозная терпимость Коммунальная сеть безопасности
Личная безопасность Число убийств Уровень преступности с применением насилия Рецидивистская преступность Политический терроризм Смертные случаи на транспорте	Устойчивость экосистем Эмиссия парниковых газов Использование водных ресурсов Биоразнообразие и хабитат	Доступность продвинутого образования Число лет обучения в учебных учреждениях третьей ступени Средняя продолжительность школьного обучения женщин Неравенство в доступности образования Глобальный рейтинг университетов

Если рассматривать мир как одну страну, то глобальный индекс социального прогресса равнялся бы 61,00 балла. При этом среднемировая оценка удовлетворения базовых потребностей человека превышает общий глобальный индекс по разделам «Питание» и «Базовые медицинские услуги» – 87,47 балла и по разделу «Состояние воды и санитарии» – 68,87 балла. Это также те сферы, которые были в фокусе Целей тысячелетия в области развития и где за последние четверть века достигнут определенный прогресс. Не удивляет, что худшей в этом разделе стала оценка «Личной безопасности» – 56,27 балла.

Что касается «Основ благосостояния», то здесь выше других среднемировой показатель доступа к основам знаний (85,98) – тоже сфера, находящаяся в фокусе Целей тысячелетия в области развития. Значительно ниже показатели состояния здоровья и условий для сохранения здоровья (64,67), а также доступности информации и коммуникаций (63,56). Худший среднемировой показатель в этом измерении – устойчивость экосистем, то есть состояние окружающей среды (51,60).

Третье измерение – «Возможности» – в среднем получило на глобальном уровне самую низкую оценку. Лучший среднемировой показатель в этом разделе – «Личная свобода и выбор» (61,23). Показатели других компонентов намного ниже: «Доступность продвинутого образования» – 46,24, «Права личности» – 43,10, «Терпимость и инклюзия» – 42,36. При этом оценка соблюдения прав личности варьируется в очень широком диапазоне, опускаясь в некоторых странах до

ничтожных 2,32 балла, тогда как в некоторых других странах она достигает 98,84 балла; то же относится и к оценке терпимости и инклюзии.

Нужно, конечно, учитывать, что правовые (институциональные) возможности социального прогресса интерпретируются авторами данного исследования с точки зрения принятых на Западе ценностных установок, которые подчас не только сомнительны сами по себе, но и игнорируют культурно-цивилизационные особенности развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. Поскольку оценка прав и свобод личности базируется преимущественно на экспертных оценках, не исключена возможность односторонних, субъективных суждений, что сказалось, например, в сильно заниженном показателе ИСП Кубы (84 место в рейтинге 133 стран), притом что признаются ее достижения в области удовлетворения базовых потребностей человека – первое место в регионе по условиям питания и второе – по доступу к основам знаний. Стоит отметить, что в рейтинге ИЧР 2013 г. Куба (“very high HDI”) среди тех же 133 стран занимала бы 36 место (44 место из 187 стран [Human... 2014: 159]).

В странах, имеющих сходный уровень ВВП/д. н., достижения социального прогресса варьируются в широком диапазоне. Богатая страна может иметь высокие абсолютные показатели социального прогресса, но отставать в этом отношении от других стран с примерно равным ей уровнем душевого дохода; бедная страна может иметь лишь умеренный уровень социального прогресса, но гораздо лучшие результаты, чем равные с нею по ресурсным возможностям другие страны. Иными словами, при более или менее одинаковом уровне экономического развития одни страны по тем или иным причинам лучше справляются с задачами социального прогресса, другие – хуже.

Авторы исследования попытались статистически определить и сравнить результаты социального прогресса стран, находящихся в сходных экономических условиях. Для этого они прибегли к довольно сложной процедуре: выделили для каждой страны референтную группу из 15 других стран, равных или наиболее близких ей по уровню ВВП/д. н., определили для каждой группы медианный показатель социального прогресса (median scores) и сравнили показатель каждой страны с соответствующим показателем их референтных групп.

По полученным данным, 15 стран из общего списка можно отнести к *overperformers* – в их числе Коста-Рика, Уругвай, Никарагуа, Новая Зеландия, Ямайка, Швеция, то есть государства, которые достигли значимых опережающих результатов по сравнению с другими в своей референтной группе. Гораздо больше оказалось стран (33), где показатели социального прогресса значительно ниже их экономических возможностей (*underperformers*), среди них, как ни парадоксально, страны с богатыми природными ресурсами, такие как Саудовская Аравия, Кувейт, Венесуэла, Нигерия, Ангола, – здесь и степень «недоразвития» особенно велика.

Однако не все наделенные богатыми природными ресурсами страны (нефть, газ и т. п.) «недоотягивают» по социальным показателям. Так, Норвегия и Австралия имеют столь же высокий ИСП, как и их референтные группы по ВВП/д. н. Странам, сумевшим создать сильные институты и основанный на законности правопорядок, лучше удается использовать имеющиеся ресурсы непосредственно для инвестиций в социальный прогресс, тогда как другие страны, богатые ресурсами, страдают от институциональной и политической нестабильности. В группу *un-*

derperformers попадают, естественно, и страны, втянутые в жестокие и разорительные региональные конфликты.

Но есть и другие, более сложные, комплексные причины относительного отставания социального прогресса. Сравнительно низкую для такой страны, как Россия, позицию в рейтинге ИСП (71 место) исследователи объясняют невысоким качеством системы здравоохранения, низким уровнем толерантности, социальной вовлеченности, проблемами с гражданскими правами и свободами, с личной безопасностью. В то же время Россия имеет сравнительно высокую оценку по таким показателям, как условия питания, состояние водоснабжения и санитарии, базовая медицинская помощь и образование. В рейтинге ИЧР среди 133 стран Россия заняла бы 45 место (57-е в списке 187 стран [Human... 2014: 159]). Россия отчасти следует паттерну богатых природными ресурсами стран. Но надо учитывать и особенности ее географического и геополитического положения – огромную протяженность территории, коммуникаций, внешних границ, континентальный климат, что во многом определяет государственную политику распределения и использования национального дохода и бюджетных расходов.

С Китаем, который также относится к группе *underperformers*, особая ситуация. Китай с его высокими темпами роста приходится сравнивать с другими быстрорастущими экономиками. Между тем социальный прогресс, будучи продуктом накопленной массы инвестиций, следует за экономическим развитием с определенным лагом. Это не значит, что все быстрорастущие экономики обречены отставать в плане показателей социального прогресса, но заставляет предположить, что у них могут возникать дополнительные трудности с продвижением по тем или иным его направлениям.

* * *

Для более детального анализа исследователи разделили все 133 страны по достигнутому уровню социального прогресса на шесть групп, обладающих определенным сходством агрегированных показателей, хотя и с существенными различиями в отдельных компонентах. В десятку лидеров («очень высокий уровень») вошли Норвегия, Швеция, Новая Зеландия, Канада, Финляндия, Дания, Нидерланды, Австралия, в низшую группу («очень низкий уровень») – несколько беднейших стран Африки и Азии.

Таблица 2

Сводка данных о структуре и уровнях социального прогресса по группам стран (субиндексы)

Группы стран по уровню социального прогресса	Базовые потребности	Основы благополучия	Возможности
Очень высокий	94,77	83,85	83,07
Высокий	90,86	77,83	73,82
Верхний средний	70,90	68,78	47,65
Нижний средний	72,34	66,90	47,14
Низкий	50,03	58,01	38,35
Очень низкий	38,46	48,55	26,05

Источник: [Social... 2015: 45–50].

Табл. 2 демонстрирует большой диапазон различий в уровнях социального прогресса разных стран по основным его измерениям, принятым в исследовании. Не менее существенны различия и по отдельным компонентам, в том числе в каждом разряде. Даже страны «первого эшелона» имеют много нерешенных проблем и открытые возможности улучшений в различных направлениях. В частности, почти все они получили низкую оценку устойчивости экосистем. Такое положение характерно и для всех остальных групп. Средние группы характеризуются резко сниженной оценкой третьего измерения – возможностей прогресса. В двух последних группах особенно плохо обстоит дело с удовлетворением базовых потребностей человека – здесь оценки даже ниже, чем оценки основ благополучия. И, конечно, крайне низок показатель возможностей прогресса.

Этот дифференцированный анализ вновь подтверждает, что экономические результаты не могут дать полного объяснения различий в уровнях социального прогресса. С величиной ВВП/д. н. в наибольшей степени коррелирует степень обеспечения базовых потребностей, в меньшей – основы благополучия, и в еще меньшей – возможности развития человека. И это понятно: в последнем случае важны не только и, может быть, не столько инвестиции, сколько правовые нормы, их соблюдение и соответствие политических установок этой задаче.

* * *

Как показатели социального прогресса соотносятся с распределением доходов, с *крайним неравенством* в распределении? Проблема неравенства с точки зрения социального прогресса авторами исследования затрагивается, но скорее вскользь и формально. Сопоставление ИСП и коэффициента Джини приводит их к следующим выводам. Страны с самым высоким ИСП имеют самый низкий коэффициент Джини, то есть это страны наименьшего неравенства по доходам. То же сопоставление по всем странам обнаруживает в целом негативную корреляцию ИСП и коэффициента Джини, но очень слабую, то есть слабо выраженный тренд снижения уровня социального прогресса по мере роста неравенства.

Более того, если взять за точку отсчета США с их довольно высоким уровнем неравенства, то можно назвать страны, где неравенство меньше, а отставание социального прогресса относительно уровня ВВП/д. н. больше; и есть страны (развивающиеся), где неравенство больше, но по показателю социального прогресса они опережают свой ВВП/д. н. Это дает основание предположить, что связь между социальным прогрессом и неравенством по доходам зависит от уровня развития страны: выше уровень развития – связь слабая, ниже – связь сильнее. Если же показатель ВВП (то есть экономический фактор) убрать, то, утверждают исследователи, статистически значимого отношения между неравенством и социальным прогрессом не фиксируется.

Надо, однако, иметь в виду, что коэффициент Джини имеет свои недостатки – не учитывается источник дохода, не всегда охватываются активы в целом (недвижимость и т. п.). Его прямое сопоставление с ИСП, то есть с данным уровнем социального прогресса, оставляет в стороне косвенное, опосредованное влияние сверхбогатства, вероятность большего социального прогресса при большем равенстве. «Экономика прихоти» с ее безоглядной демонстративной расточительностью означает существенное отвлечение ресурсов, которые можно было бы использовать productively, в интересах всего общества. Кроме того, сверхбо-

гатство – это и возможность влияния привилегированных групп общества на формирование властных структур; это благосклонность власти к интересам «успешных и богатых» и их сопротивление увеличению социальных расходов в интересах большинства. Поэтому не лишены, видимо, оснований свидетельства того, что крайнее неравенство отрицательно коррелирует с показателями социального прогресса.

Данное обстоятельство становится особенно очевидным, если обратиться к феномену *бедности*. Социальный прогресс предполагает смягчение и преодоление бедности, но она же и ограничивает его возможности. Авторы исследования признают влияние бедности на замедление социального прогресса. При большем ИСП процент живущих в крайней бедности уменьшается. Бедность негативно и существенно коррелирует с социальным прогрессом – сопоставление дает статистически значимый результат, действительный для всех трех основных измерений индекса.

Почему низкий уровень социального прогресса ассоциируется с крайней бедностью? Во многих случаях это обусловлено фатальной нехваткой ресурсов. Но крайне низкие показатели ИСП объясняются не только нищетой. Страны с низким уровнем дохода на душу населения демонстрируют тем не менее широкий диапазон различий в уровне социального прогресса и бедности. Дело, следовательно, и в том, насколько граждане той или другой страны способны деятельно участвовать в экономической жизни (то, что называется инклюзией, вовлеченностью). А это зависит от наличия базовых социальных возможностей – доступа к медицинским услугам, к получению образования, от того, как обеспечены защита прав собственности, личная безопасность и т. д. И, конечно, от того, насколько политика государства нацелена непосредственно на решение наиболее значимых в современных условиях задач социального прогресса.

* * *

Индекс социального прогресса имеет, таким образом, важное прикладное значение в политическом плане. Проблемы социального развития, хотя и обусловлены историей, объективным положением вещей, во многом упираются в политику, в выбор стратегии развития и приоритетов.

Почему Коста-Рика с ее невысоким ВВП/д. н. в 13,431 американского доллара⁵ по ППС заняла 28 место в рейтинге ИСП? Наверное, и потому, что в Коста-Рике еще в XIX в. было введено всеобщее начальное обучение в школах. А принятая в 1949 г. новая конституция запретила создание и содержание в мирное время постоянной регулярной армии. Освободившиеся ресурсы были использованы для развития образования.

Почему Россия при значительно большем душевом ВВП в 23,564 американского доллара заняла лишь 71 место, уступив не только Коста-Рике, но и многим другим странам с гораздо меньшим душевым доходом? Для этого есть, конечно, веские объективные причины, о которых сказано выше. Но есть и причины институционального и субъективного порядка – высокая степень централизации власти, проявления волюнтаризма в политике, выстраивание приоритетов, идущих подчас вразрез с нуждами и ожиданиями большинства населения или отдельных его групп.

⁵ Данные о ВВП на душу населения определялись как среднее за 2010–2013 гг.

По мнению большинства россиян, правительство должно выделять деньги в первую очередь на повышение жизненного уровня населения – так считает 67 % участников социологического опроса, проведенного «Левада-центром» в мае 2015 г. В качестве приоритетных направлений финансирования улучшение медицинского обслуживания назвали 55 %, поддержку незащищенных слоев населения – 53 %, развитие образования – 26 %. Тогда как в пользу первоочередности расходов на перевооружение и модернизацию армии высказались 12 %, в пользу устройства престижных международных мероприятий – 5 %, в пользу развития космических программ – 4 % [Левинсон 2015]. Налицо возможность существенных расхождений между властью и населением в представлениях о бюджетной политике, которой, вопреки официальным заверениям, присущи заметные диспропорции в ущерб социальной сфере.

Разительный пример демонстрируют Соединенные Штаты Америки. Богатейшая мировая держава, самонадеянные лидеры которой считают ее образцом для народов других стран, заняла только 16 место в рейтинге ИСП. Комментируя Индекс социального прогресса 2015 г., обозреватель «Нью-Йорк таймс» Н. Кристоф писал: «Недавно опубликованный глобальный индекс показывает, что Америка, наряду с другими могущественными странами, недоотягивает в том, что важнее всего: обеспечение высокого качества жизни для простых граждан. <...> Мы можем бить себя в грудь и хвастаться, будто мы страна № 1, и в чем-то это так. Но в важных направлениях мы отстаем» [Kristof 2015].

В подтверждение Кристоф указывает на то, что, согласно Индексу, Соединенные Штаты занимают 30 место по ожидаемой продолжительности жизни, 38-е – по выживаемости детей и унижительное 55 место по выживаемости роженцев. Мы знаем, добавляет Кристоф, о нашем высоком уровне убийств, но в США и смертность на дорогах выше, чем в 37 других странах, а уровень самоубийств выше, чем в 80 других странах. США находятся на 38 месте по показателю равенства в образовательной системе, на 49 месте по охвату соответствующей возрастной когорты высшим образованием.

Кристоф напрямую связывает такое положение вещей с феноменом неравенства и особенно с бедностью. Финансирование программ поддержки нуждающихся в помощи бедных требует увеличения налогов на сверхбогатых, но они предпочитают создавать частные альтернативы публичным благам – частные школы, частные охранные агентства, закрытые поселения (*gated communities*). А это ведет к недофинансированию социальных услуг, жизненно важных для нуждающихся. «Мы одержимы ложными целями, и поэтому мы часто придерживаемся ложных приоритетов», – заключает Кристоф, упрекая соотечественников в пассивности, в неспособности прийти к согласию о самом важном для будущего, и высказывая разочарование тем, что американская политическая система «видимо, неспособна возвыситься до вызовов», с которыми сталкивается общество [*Ibid.*].

Состояние дел человеческих приводит исследователей (и не только их) к непреложному выводу: *настало время планировать будущее* и нацеливать стратегию развития непосредственно на решение задач социального прогресса в контексте вызовов нашего времени. Это нашло отражение в итогах саммитов ООН 2015 г. Но способны ли творцы мировой политики не только декларировать далеко-идущие цели прогресса, но и действовать соответствующим образом? От этого зависят сегодня судьбы народов мира, всего человечества.

Литература

- Вебер А. В поисках новой парадигмы развития // Век глобализации. 2013. № 1.
Доклад о развитии человека. Реальное богатство народов: пути развития человека. Опубликовано для Программы развития ООН. М. : Весь мир, 2010.
- Левинсон А. На что не надо тратить народные деньги // Ведомости. 2015. 23 июня.
- Estes R. J. 1984. The Social Progress of Nations. New York : Praeger.
- Estes R. J. 1988. Trends in World Social Development: The Social Progress of Nations, 1970–1987. New York.
- Human Development Report. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, 2014.
- Inclusive Wealth Report 2012. Measuring Progress toward Sustainability [Электронный ресурс]. URL: www.ihdp.unu.edu/docs/Publications/Secretariat/Reports/SDMs/IWR%20SDM%20Low%Resolution.pdf/.
- Inclusive Wealth Report. Measuring Progress toward Sustainability. UN University (UNU)-International Human Dimensions Programme (IHDP) and the UN Environment Programme (UNEP). Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Kristof N. Enjoying the Low Life // New York Times. 2015. April 9.
- Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative [Электронный ресурс]. URL: www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1,dim3/.